

Колокол для Голгофы

Вы можете представить путь господен на Голгофу без креста? Или Бога, носящего очки, к тому же в модной роговой оправе? Либо едущего в полудреме через горную осыпь верхом на осле, взятом, скажем так, взаймы на обезлюдевшем почему-то пастбище? Все это, и не только это, вы увидите скоро, если, конечно, захотите, в только что законченной ленте армянского независимого кинорежиссера Эдуарда Вирапяна «Белая ночь для слепого гонца». На всякий случай запомните название этого авторского фильма.

чем другим не сумев заняться, я рылся в памяти, силясь вспомнить его...» — таково начало его эссе, с которого и началось мое знакомство с Вирапяном.

Вот так же он краток и в кино. В отснятой тут, в Молдове, мимоходом, что ли, одночасовке «Содом для Гоморры» он в девять минут экранного времени втиснул все, что знает о мужчине и женщине с времен Адама и Евы. В этих фильмах он нашел себя как независимый автор евангелического кино, жанра для нас, россиян, в самом широком смысле этого интернационального слова, редкого и трудного для восприятия всеобщего. Но в душе что-то обязательно щелкнет, вскричит, и я предрекаю «Гонцу» Вирапяна полупустой зал и огромный успех на фестивалях, где жаждут эстетской пицци. Этот фильм нужно увидеть, чтобы что-то осознать. А осознав, покаяться в своей одичалости.

Удивителен мир гонца, кружащегося по опустевшей вдруг земле, полной фантомов и странных звуков. Удивительны встречи, что возлагают на героя Германа-Аракса (актера нашему кино неизменно, но талантливого) то мешок с помолом, то груз своих забот. Все это и есть крест восходящего на Голгофу без креста. И кружение его по сношенным предзимним сухостоям, по каменным дорогам старого селения на стыке границ, внешних и внутренних, еще и еще — все это круги ада, которые тоже нужно осознать и увидеть в своих путях тоже.

Вирапян не только в прозе ищет карандаш. И в кино тоже. Здесь, в новой работе, он обратился к черно-белой палитре, к кинографике, пожалуй, самой богатой, непревзойденной нюансами красок. Ему нужен был такой полумягкий, полужесткий грифель, что четко обозначил великолепные планы субтропиков Армении, почти в краях, где однажды бросил якорь ковчег Ноа.

Найдет свою вершину и герой ленты. И найдет там часовенку, открытую всем ветрам, с надтреснутым колоколом с полусгнившей веревкой. Веревка оборвется, и нынешний Христос подменит ее брючным ремнем и, почти умирая от усталости, подаст миру голос. И тот колокольный гул будет надтреснут и глух, как наш голос в этой вот самой гласности, в которой никто никого не слышит. Гонца же услышат и придут к нему те,

Лично мне, считаю, повезло. Во-первых, эту работу я смотрел одним из первых, к тому же почти дома — в Кишиневском доме кино. Во-вторых, я познакомился с лабораторией Вирапяна, знакомого раньше по философски тонким эссе в журналах. Но почему армянин, пусть даже независимый, трудится над фильмом в Кишиневе? Культурная конфедерация тут ни при чем. И независимые авторы очень даже зависят от вполне земных обстоятельств. И им нужна под ногами твердь, а над головой если не крыша, то хотя бы зонт. Тут, в Молдове, на киностудии сыскалась свободная монтажная, а в «Оферте», внедренческой ассоциации кооператоров, — спонсор, готовый ссудить свой не обложенный налогами рубль будущему шедевру. Подорожавший весной кинобюджет «Гонца» вдруг потребовал латок на мешок с деньгами, выданный год назад еще одним спонсором — крупным армянским строительным подразделением «Масис-строй». Спасибо и им, героям последнего титра, который зрители, грохоча сиденьями кресел, уже не смотрят.

Содержание фильма Вирапяна можно передать практически одной фразой: человек, ничем не похожий на Бога, всего лишь — ереванский священник (французский актер Рафиз Герман-Аракс), разве что в возрасте Христа, повторяет нынче, в эти вот наши с вами дни, его путь на Голгофу в обескровленной от всех мун и напастей Армении. Само время истязает его, а не что-то иной по вере. Фильм уходит от сиюминутной политики, но все в нем — политика, чтобы обозначить людям: люди, вы люди, а не прохожие по этой вот каменной земле.

Эдуарду Вирапяну — 36, и в мире большого, пусть даже по количеству частей, кино его, пожалуй, не знают. Он, повторюсь, эссеист, пишет для журналов и в стол — коротко и емко, страничку, реже — вторую.

«...Проснувшись, я долго искал карандаш, чтобы записать увиденное во сне слово. Пока он нашелся, слово вылетело у меня из головы. Весь остаток дня, ни-

Жерар и сцена —